

УДК 930 (470+574)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-75-81

Мажитова Ж.С.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИНСТИТУТА БИЕВ
С 1917 г. – ДО СЕРЕДИНЫ 30-х гг. XX в.:
ДИЛЕММА «БЕСКЛАССОВОЕ ПАТРИАРХАЛЬНО-РОДОВОЕ
ИЛИ КЛАССОВОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО»**

Аннотация. В статье рассматривается полемика в среде советских исследователей о характере общественных отношений в казахском обществе в досоветскую эпоху. Работы авторов выявили не одинаковый подход к этому вопросу: одна группа исследователей считала казахское общество бесклассовым, в котором родовые отношения оставались неизменными и род выступал основным самостоятельным и главнейшим субъектом права; другая часть исследователей была уверена в том, что развитие товарного хозяйства, разные формы внеэкономического принуждения привели к дифференциации общества в классовом отношении на две полярные группы.

Ключевые слова: советская историография, родовое общество, классовое общество, бий.

Z. Mazhitova*Lomonosov Moscow state university*

**SOVIET HISTORIOGRAPHY ON THE INSTITUTION
OF BIYS FROM 1917 TO MID 30S OF THE XX CENTURY:
«CLASSLESS PATRIARCH-TRIBAL OR CLASS FEUDAL SOCIETY» DILEMMA**

Abstract. The article reviews the polemics among the soviet researchers upon the character of social relations in Kazakh society in the pre-Soviet era. Those works authors had different approaches regarding this issue. One group of researchers considered Kazakh society to be classless, where clan relations remained invariable and the clan was the most important and independent subject of law. Other researchers believed that the development of commodity exchange economy and different noneconomic forces led to social class differentiation into two polar groups.

Key words: Soviet historiography, ancestral society, class society, biy.

В 1920-е гг., в период становления марксистской исторической науки, когда ленинские методологические установки и оценки исторических явлений еще не утвердились, допускалась определенная вольность в исто-

рических оценках. Уже в 1920-е гг. среди исследователей формируются разные подходы к пониманию прошлого казахского народа. Нас в первую очередь интересует полемика между двумя наметившимися направлениями по вопросу об общественных отношениях среди казахов

в досоветское время: эти отношения трактовались, с одной стороны, как родовые, доклассовые, а с другой – как феодальные, подразумевающие классовое деление общества.

Научный спор возник, на наш взгляд, в связи с теми мероприятиями, которые проводились властью в советских республиках. X съезд Коммунистической партии (1921) взял курс на замену продразверстки продналогом (фиксированным налогообложением). Новая экономическая политика (НЭП) предполагала привлечь крестьянина на сторону Советской власти, заинтересовать его в увеличении производства сельхозпродукции. Либерализация экономической жизни вызвала изменения в общественно-политической жизни, в том числе и кочевников. Первая мировая война, затем две революции 1917 г., Гражданская война с продразвесткой подорвали скотоводческое хозяйство кочевников-казахов. Теперь, в условиях НЭПа, все элементы традиционной структуры – хозяйства общинников, мелких и крупных скотовладельцев, стали возрождаться. В самом скором времени НЭП привел к появлению тех сил (байских хозяйств), борьба с которыми была основным лозунгом большевиков. Проблемы поиска классовых противоречий среди кочевников и живучести «патриархально-родовых пережитков», которые не вписывались в общую картину построения однотипного советского общества, стали предметом дискуссий и критики среди исследователей. Взгляды ученых по этим вопросам можно условно разделить на два направления: сторонников родовой теории и сторонников классовой природы общества.

Суть концепции «родовой теории» заключалась в отрицании самой возможности возникновения феодализма у кочевников, их общественный строй представлялся в виде неизменных родоплеменных и общинных отношений.

Одной из первых этнографических работ по истории казахов является книга историка А.П. Чулошникова, в которой он, основываясь в основном на трудах дореволюционных российских исследователей (Л.А. Словохотова, И. Крафта, Н. Харузина и др.), сделал обзор истории казахов до середины XVIII в. [11]. А.П. Чулошников утверждал, что общественные отношения в казахском обществе можно охарактеризовать как патриархально-родовые: «...в основе всего социального и правового строя тогдашнего казак-киргизского (казахского. – *Прим. авт.* – Ж.М.) союза, как единого национального целого, лежало именно родовое начало, совершенно еще не тронутое никакими другими отношениями <...> вплоть до XVIII века» [11, с. 200]. Род выступал, по мнению ученого, тем основным самостоятельным и главным субъектом права, который обеспечивал жизненную поддержку и условия существования каждому своему члену, без исключения. Все члены рода держались один другого. Родовая солидарность, своеобразные условия скотоводческого хозяйства приводили к нивелировке материальных различий между общинниками, что позволило сделать ученому вывод об отсутствии классовой дифференциации внутри казахского общества.

В середине 1920-х гг., несмотря на относительные успехи советской власти в укреплении аульных советов в городах, в кочевом и полукочевом ауле еще

прочно держали позиции родовые отношения. Положение дел на местах выразил секретарь Казахского крайкома ВКП (б) Ф.И. Голощекин, выступая перед партактивом республики в 1926 г.: «Мы не учли и не учитываем, при построении совета в ауле, две вещи – живучесть родовых отношений и влияние байства. Мы строим советы в ауле так же, как в Курской, Тверской и любой губернии центральной России. В этом, мне кажется, основная ошибка, основной недочет. Если мы этого не учтем, мне кажется, мы будем биться напрасно и все наши хорошие пожелания будут разбиваться об эту косность, об этот факт в жизни аула» [9].

В свете сказанных слов ВЦИК организует в Казахстан несколько экспедиций в 1925–1928 гг., которым предстояло изучить состояние казахского хозяйства, быт и право кочевников.

В 1925 г. по поручению Казкрайкома ВКП (б) экспедиция О. Джандосова и В.Г. Соколовского обследовала аулы Алма-Атинского уезда. На основании полученных данных была издана работа статистика В.Г. Соколовского, в которой автор поставил задачу «дать настолько сжатый анализ общей обстановки аула, насколько это позволяет необычайная сложность вопроса, общая неосведомленность в нем и недостаток располагаемого мною сейчас времени» [10, с. 1].

Исследование аулов подводит В.Г. Соколовского к твердому убеждению, что «родовые моменты не только сохранились, но и что самое главное, остаются весьма крепкими и настолько жизненными, что рассчитывать на их самопроизвольное исчезновение в сколько-нибудь ближайшем будущем совершенно не приходится» [10, с. 7].

Важным моментом, на наш взгляд, в работе В.С. Соколовского является положение о том, что родовые отношения не являются закостенелой, статичной системой. Наоборот, подстраиваясь под новые производственные отношения, подразумевающие синтез плановой социалистической экономики и экстенсивного мелкотоварного скотоводческого производства, эти отношения рожают «новых героев», которые сосредоточили в своих руках как старые (родовые), так и новые (социалистические) функции по управлению общиной. Ученый называет этих людей «аткамынерами» (буквально: атка-мынер – сидящий на лошади. – *Прим. авт. – Ж.М.*). Являясь представителями родовой администрации, они становятся посредниками между властью и аулом, осуществляют *«все сношения последнего с внешним миром по всем вопросам»* [10, с. 21] (курсив автора).

Выводы В.Г. Соколовского наводят на мысль, что в русле принципов обычного права выдвигенцы из кочевой среды на основе прежних родственных и клановых сетей сумели включиться в новые правила игры, использовать определенный административный и неформальный ресурс для работы в качестве посредников между партийно-советско-общественными организациями и местным населением. Появление таких выдвигенцев можно наблюдать и в дореволюционное время. Тогда их называли «переводчиками», «посредниками».

Во второй половине 1920-х гг. доводы сторонников родовой теории стали постепенно утрачивать позиции. В это время в республике начинается широкомасштабная кампания

государства по коллективизации и силовому оседанию кочевников. Задача предстояла трудная, поскольку, как заметил секретарь Казахского крайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекин, выступая перед партактивом республики, «мы встречаемся с сильным сопротивлением экономически и культурно более сильного русского кулачества. С другой стороны, мы имеем и имели со стороны казахских биев и мулл и их идеологов-националистов желание создать привилегии для казахской национальности» [2, с. 33]. Фронтальное вторжение государства на кочевую периферию с целью изъятия натурального продукта повсеместно могло вызвать протест кочевников. Успех реформы мыслился Ф.И. Голощекину при условии силовой диктатуры в отношении кулачества и байства как класса: «Мы конфискуем бая – главу рода, это труднее чем помещика. Помещик для крестьянина чужой, был понятный враг; в ауле же при родовом патриархальном быте – бай свой, глава своего рода» [3, с. 200].

Можно сказать, что коллективизация и массовое оседание кочевников к началу 1930-х гг. окончательно решили исход классовой борьбы с байством в ауле и кулаком в деревне в пользу государства. Не случайно в это время все больше ограничивается научный плюрализм, ученые ориентируются на изложение истории в русле ленинско-сталинских положений о роли классовой борьбы и пролетариата в историческом развитии.

Оппонентами сторонников родовой теории в дискуссии об общественном строе казахов стали сторонники классовой природы общества. Одной из первых серьезных работ в

этом направлении стала коллективная монография П. Погорельского и В. Батракова «Экономика кочевого аула Киргизстана» [5]. В 1927 г. этими учеными в ходе экспедиционного обследования были изучены форма и характер социальной эволюции, организация, экономика хозяйств, расположенных в бассейне реки Сусамыр, Джумгол. Однообразие и специфичность кочевого хозяйства центральноазиатских племен имела естественным следствием появление одинаковых форм социальной организации. Поэтому сведения П. Погорельского и В. Батракова о социальной организации киргизов могут быть вполне отнесены к казахскому обществу.

По мнению ученых, социальная организация киргизов имела ярко выраженную классовую структуру. Развитие товарного хозяйства, разные формы внеэкономического принуждения, дифференциация общества на две полярные группы привели, по мнению П. Погорельского и В. Батракова, к появлению группы биев как кочевой феодальной знати: «Не подлежит никакому сомнению одно, что так называемые бии в свое время представляли собою власть, мало похожую на власть при господстве “родового начала”. Власть эта опиралась на силу и принуждение» [5, с. 140].

Обозначенные этими авторами два исследовательских принципа оказали большое влияние на все последующие работы в данном направлении. Во-первых, классовый подход ученых при характеристике дореволюционного киргизского общества был принят последователями этого принципа как концептуальная установка при анализе социальных отношений в до-

революционном кочевом обществе. В то же время трудно проследить причины, время и характер трансформации таких институтов, как «батыр – бий – манап»¹. Это, в свою очередь, привело к тому, что вплоть до начала 1940-х гг. вопросы социально-политической истории кочевников, в том числе казахов, оставались слабо разработанными и спорными. Во-вторых, предмет необходимо было изучать в его эволюционном развитии. Впоследствии эта концепция приобрела характер доминирующей парадигмы в советской исторической науке. Речь идет не об авторской концепции П. Погорельского и В. Батракова, а о влиянии монографии этих ученых на утверждение нового концептуального подхода при изучении истории общественных отношений.

Устойчивость позиций родовой аристократии связана с тем, что характерной чертой политико-правовой культуры кочевого общества, несмотря на новую систему власти, оставалась приверженность к компромиссу, подчинение авторитету таких лидеров, которые, аккумулировав традиции и правовые знания, смогли стать посредниками между общиной и советской бюрократией.

Среди немногочисленных исследований этого направления, посвященных изучению социальной организации кочевников с классовых позиций, следует выделить работы профессора-историка С.Д. Асфендиарова [1; 6; 7]. Его научный труд по истории ка-

¹ Манапы – представители киргизской феодально-родовой аристократии, за которыми со стороны членов их рода признавалось право суда и предводительства в военное время. См.: [4].

захского народа с древности до 1917 г. является обобщающей работой, в которой отразилась концепция о поступательном развитии кочевых народов от первобытного состояния (первобытно-общинного строя) к классовому (капиталистическому) обществу, закрепив марксистские схемы исторического процесса.

С.Д. Асфендиаров относит зарождение классовых отношений к XVI в., когда в плане социально-экономической структуры казахское общество разделилось на два непримиримых лагеря – феодалов и рядовых кочевников. К первым ученый относит хана, батыров, баев, ходжей и, конечно, биев, которые представляли «зародыш государственного аппарата. Бии являлись как бы идеологами казахского феодализма» [1, с. 90].

В это время под внешней оболочкой родового общества происходит накопление средства производства (скота) в руках родовой верхушки, которая, вступая во внешние торговые сношения, постепенно превращалась в настоящего хозяина этих средств.

Анализ работ С.Д. Асфендиарова наводит на мысль о присутствии едва уловимого двусмысленного подтекста. С одной стороны, всеохватывающее господство идеологических установок определило подход автора к освещению истории казахского общества. К примеру, его критическое отношение к русско-казахским отношениям, которые он описывает как «грабеж», «притеснение», «колонизация казахских земель» со стороны Российской империи (в духе «школы М.Н. Покровского»). С другой стороны, обвиняя М. Тынышпаева и других представителей национальной интеллигенции в буржуазном

национализме, С.Д. Асфендиаров сам не избежал некоторой идеализации при изложении исторического прошлого. Например, он пишет: «...царское правительство расчленило Казакстан, создав условия, затрудняющие национальное объединение казаков» [1, с. 146]; в отношении биев заметны ностальгические ноты: «Каждая Казакская орда имела своих знаменитых биев: Старшая орда – Толе-бия, Средняя – Казбек-бия, Младшая – Айтеке-бия. Бии <...> как носители народных традиций сохраняли в народной памяти авторитет со времени первобытной демократии родового общества» [1, с. 90]. Смеем предположить, что проскальзывание «ностальгических» нот среди общепринятых в исторической науке выражений «колонизация», «феодалы» и т. д., говорило, скорее всего, о научных установках ученого, которые он старался вплести в общую канву изложения материала и придать им характер скрытого предпочтения. Во всяком случае, внимательное чтение работ С.Д. Асфендиарова подводит именно к такому заключению.

Большой вклад С.Д. Асфендиарова в развитие исторической науки Казахстана неоспорим. В частности, он одним из первых показал кочевую культуру как цивилизационную целостность, а его социальная характеристика казахского общества послужила ориентиром в научных исследованиях на долгие десятилетия вперед.

В то же время работа С.Д. Асфендиарова, написанная в традициях проблематики советской исторической науки (колониальные захваты Российской империи, роль классовой борьбы в казахском ауле, критика деятельности алашордынцев и т. д.), подтверж-

дает тезис: «Уже к середине 30-х гг. советская историческая наука при активном участии Покровского была накрепко вбита в прокрустово ложе марксизма-ленинизма» [8, с. 168].

Таким образом, одна группа исследователей считала, что казахское общество, несмотря на все эволюционные процессы, оставалось в своей основе традиционным, бесклассовым (С.Г. Соколовский, Т. Рыскулов и др.). Невольно продолжая традиции дореволюционной историографии, исследователи считали, что любое вторжение в экосистемы кочевников самопроизвольно, с целью самосохранения, приводит к отторжению чужеродных элементов, как негодных в политическом, идеологическом и культурно-ценностном смысле. При этом сохранялись практически в неизменном виде те институты, которые позволяли этнической общности приспособиться к новым социально-экономическим и культурным изменениям. Одним из таких институтов исследователи считают биев, аксакалов, которые рассматривались как представители родовой демократии. Это они пронесли сквозь время ценностные постулаты народа, укреплявших этнический фундамент кочевников – родо-племенную структуру общества, адаптированную к суровым природным условиям путем экстенсивного скотоводства. Сторонники этой концепции считали, что такое общество не имеет классовых противоречий, следовательно, говорить об эксплуатации трудового народа не приходится. Родовая верхушка рассматривалась как представительница родовой демократии.

Другое направление представлено работами сторонников изложения

истории в контексте классовой парадигмы развития (П. Погорельский, В. Батраков, Г.С. Тогжанов). Исследователи пытались выработать систему взглядов на вопрос о классовом содержании общественно-политической жизни кочевников, в которую прочно были вплетены родовые формы бытия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Асфендиаров С.Д. История Казакстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство, 1935. 262 с.
2. Голощекин Ф.И. Десять лет пройденных и предстоящие задачи. Алма-Ата: Гос. издательство РСФСР. Казакское краевое отделение, 1930. 41 с.
3. Голощекин Ф.И. Казакстан на путях социалистического переустройства. М.; Алма-Ата: Объединенное гос. издательство, 1931. 248 с.
4. Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. 435 с.
5. Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М.: Издание Совнаркома К.А.С.С.Р., 1930. 385 с.
6. Прошлое Казакстана в источниках и материалах. Сб. 1 / Под ред. проф. С.Д. Асфендиарова. Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство, 1935. 297 с.
7. Прошлое Казакстана в источниках и материалах. Сб. 2 / Под ред. проф. С.Д. Асфендиарова. Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство, 1936. 294 с.
8. Российская историография. М.: Российс. гос. гуманит. ун-т. 1996. 592 с.
9. Советская Степь. № 101. 1926, 7 мая.
10. Соколовский В.Г. Казакский аул. Ташкент: КазЦСУ, 1926. 55 с.
11. Чулошников А.П. Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1: Древние время и средние века. Оренбург: Киргизское государственное издательство, 1924. 293 с.